

Первый приговор Международного уголовного суда: Решение Судебной палаты I Международного уголовного суда от 14 марта 2012 года в соответствии со статьей 74 Римского статута по делу «Прокурор против Томаса Лубанги Дийло»¹

Кирилл Чернышёв*

14 марта 2012 года Международный уголовный суд признал Томаса Лубангу виновным в совершении военных преступлений. В данной статье изучаются некоторые аспекты истории вооружённого конфликта в Демократической Республике Конго и комментируются отдельные выводы Судебной палаты I.

↪ *Лубанга; пострадавшие; вербовка несовершеннолетних; вооружённый конфликт; индивидуальная уголовная ответственность*

On 14 March 2012, the International Criminal Court issued its first judgment, convicting Thomas Lubanga of the war crimes. This article examines some aspects of the armed conflict's history of DRC and comments some ideas of the Trial Chamber I.

↪ *Lubanga; victims; enlisting of minors; armed conflict; individual criminal responsibility*

14 марта 2012 года в сфере международного уголовного права произошло, несомненно, историческое событие: в этот день в гаагской штаб-квартире Международного уголовного суда (далее — МУС; Суд) был оглашён обвинительный приговор по делу лидера «Патриотических сил освобождения Конго» и «Союза конголезских патриотов» 51-летнего

Томаса Лубанги Дийло. Это в значительной степени объёмное решение (свыше шестисот страниц, на которых отражены мнения как защиты и обвинения, так и потерпевших, что является отличительной чертой данного документа) было вынесено Судебной палатой I МУС в составе Эдриана Фулфорда (Соединённое Королевство, председательствующий

* Чернышёв Кирилл — студент 4-го курса Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России (e-mail: SindyDorn@mail.ru).

¹ International Criminal Court. *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Judgment pursuant to Article 74 of the Statute, ICC-01/04-01/06-2842, Trial Chamber I, 14 March 2012. Решение цитируется (в том числе с приведением оригинальных фрагментов) по его официальному тексту на английском языке (далее в сносках — Judgment).

судья), а также судей Элизабет Одно Бенито (Коста-Рика) и Рене Блаттманна (Боливия).

Ситуация в Демократической Республике Конго: исторический экскурс

С 1999 по 2007 год в конголезской провинции Итури имел место конфликт между этническими группами *банту хема* и *нилотами ленду*, унёсший жизни более трёх миллионов человек². Так называемый Итурийский конфликт признают частью Второй конголезской войны. Организация «Союз конголезских патриотов» и её боевое крыло «Патриотические силы освобождения Конго», которыми командовал Томас Лубанга, были созданы 15 сентября 2000 года и поддерживали народность банту хема³. До сих пор спорным являлся вопрос, какого характера цели преследовала эта организация в первые месяцы своего существования. В 2002 году «Союз конголезских патриотов» захватил власть в северо-восточной провинции Итури, требуя от властей Демократической Республики Конго признать этот богатый золотом регион⁴ автономной провинцией. Обвинение считает, что в 2002–2003 годах Лубанга использовал детей в возрасте от девяти лет в качестве боевиков, охранников и сексуальных рабов. Потеряв контроль над столицей Итури городом Буниа, Лубанга постарался зарегистрировать «Союз конголезских патриотов» в качестве политической партии в Киншасе. Он не смог достичь своей цели, так как полевого командира задержали 19 марта 2005 года в связи с расследованием убийства девяти миротворцев ООН, которое случилось 25 февраля 2005 года.

В марте 2004 года президент Демократической Республики Конго Жозеф Кабила в порядке, предусмотренном статьёй 14 Статута МУС, передал в Суд ситуацию, сложившуюся в этой африканской стране, вместе с

просьбой провести расследование⁵. 10 февраля 2006 года Палата предварительного производства МУС выдала ордер на арест⁶ Лубанги. 17 марта 2006 года Лубанга стал первым в истории человеком, арестованным в соответствии с ордером, выданным МУС. 26 января 2009 года состоялось первое слушание его дела. Свою вину Лубанга не признаёт.

Приемлемость ситуации и дела; применимость юрисдикции МУС

Суд удостоверился в том, что он обладает юрисдикцией в отношении дела, как того требует статья 19 Статута⁷. Вследствие того, что ДРК стала участником Статута 11 апреля 2002 года, и того, что президент этого африканского государства передал ситуацию в республике на рассмотрение Прокурора Суда в марте 2004 года, МУС обладает юрисдикцией как в отношении территории, так и с точки зрения *ratione temporis*. Дело в том, что Лубанга обвиняется в совершении военных преступлений в период с 1 сентября 2002 года по 13 августа 2003 года, то есть в соответствии со Статутом МУС его юрисдикция охватывает данные преступления⁸.

Процессуальная история

29 января 2007 года Палата предварительного производства вынесла решение об утверждении обвинений в порядке, предусмотренном статьёй 61 Статута МУС⁹. Первое слушание по делу состоялось 26 января 2009 года. В течение 204 дней слушаний перед Судом предстали 67 свидетелей. 36 из них были вызваны Прокурором, 24 — стороной защиты, ещё три жертвы военных преступлений выступали в качестве свидетелей в силу требований своих законных представителей¹⁰.

Важно отметить, что рассмотрение дела дважды прерывалось. Первый раз процесс

² Judgment (см. выше сноску 2). § 67.

³ EVD-OTP-00661 (Статут «Союза конголезских патриотов»); EVD-OTP-00662 (Программа «Союза конголезских патриотов»); T-342-ENG.

⁴ Judgment (см. выше сноску 2). § 72.

⁵ Подробнее — Decision assigning the Situation in the Democratic Republic of Congo to Pre-Trial Chamber I, ICC-01/04-1. 5 July 2004. С. 4.

⁶ Decision on the Prosecutor's Application for Warrant of Arrest. Article 58. 10 February 2006. ICC-01/04-01/06-1-US-Exp.

⁷ Judgment (см. выше сноску 2). § 9.

⁸ В соответствии со статьёй 11 Статута МУС Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершённых после вступления Римского статута МУС, что случилось 1 июля 2002 года.

⁹ Decision on the confirmation of charges. 29 January 2007. ICC-01/04-01/06-796-Conf-TEN.

¹⁰ Judgment (см. выше сноску 2). § 11.

был приостановлен решением Судебной палаты I от 13 июня 2008 года вследствие того, что были установлены нарушения, допущенные стороной обвинения¹¹. Дело в том, что источники Прокурора (в том числе ООН) отказались раскрыть стороне защиты и передать Суду информацию, которая была сообщена Прокурору и которая, предположительно, могла содержать сведения, подтверждающие невиновность Лубанги. На этом основании Суд принял решение об освобождении Лубанги, которое не было приведено в исполнение из-за вступления в силу решения Апелляционной палаты от 21 октября 2008 года¹². В нём, однако, первоначальное решение Палаты было в целом подтверждено. 18 ноября 2008 года Судебная палата I признала, что необходимая информация была раскрыта стороной обвинения и, следовательно, основания, на которых базировалось летнее решение Палат, отпали.

Во второй раз рассмотрение дела было прервано 8 июля 2010 года¹³. Судом было установлено, что Прокурор не исполнил приказ о раскрытии стороне защиты всей необходимой информации, касающейся участвующего в деле посредника № 143. Однако и это решение Судебной палаты было отменено апелляционной инстанцией из-за того, что перед приостановлением процесса Суд должен был предварительно наложить иные санкции на Офис Прокурора (к примеру, штраф)¹⁴.

Несмотря на формальную справедливость всех вышеуказанных решений, нельзя не признать, что процесс не двигался с места на протяжении в целом практически года, и это ещё более усугубило ситуацию, при которой Томас Лубанга содержался под арестом в общей сложности более семи лет.

Основные выводы Судебной палаты от 14 марта и 10 июля 2012 года

14 марта 2012 года Лубанга был признан виновным в совершении военных преступлений¹⁵, а именно: в наборе и вербовке детей в возрасте до пятнадцати лет в состав вооружённых сил или групп или использовании их для активного участия в боевых действиях (ст. 8(2)(e)(vii) Статута МУС). Проанализируем наиболее проблемные моменты первого в истории приговора МУС, попытавшись вслед за Судом ответить на некоторые вопросы.

Наличие и характер вооружённого конфликта. Для обоснованного применения норм международного уголовного права и международного гуманитарного права необходимо наличие вооружённого конфликта и связь деяния с этим конфликтом. Как было подтверждено экспертными свидетельствами¹⁶ и установлено Судом¹⁷, межэтнический конфликт на северо-востоке Конго имел место с 1999 по 2007 год. Его итог и точное количество жертв установить непросто до сих пор. Лубанга был политическим лидером одной из сторон конфликта, следовательно, все действия по вербовке солдат и их использованию в вооружённых столкновениях имеют явную связь с конфликтом в целом.

Первоначально Прокурор отмечал, что есть основания предполагать, что Лубанга также причастен к преступлениям, предусмотренных статьёй 8(2)(b)(xxvi) Статута в течение периода с начала сентября 2002 года по 2 июня 2003 года. Суть обвинений совпадает с преступлениями, в совершении которых Лубанга был признан виновным, за тем исключением, что обвинялся он первоначаль-

¹¹ Decision on the consequences of non-disclosure of exculpatory materials covered by Article 54(3)(e) agreements and the application to stay the prosecution of the accused, together with certain other issues raised at the Status Conference on 10 June 2008, 13 June 2008, ICC-01/04-01/06-1401.

¹² Решение о нарушениях, допущенных стороной обвинения, было подтверждено Апелляционной палатой 21 октября 2008 года; решение об освобождении Лубанги подлежало отмене; ICC-01/04-01/06-1486.

¹³ Decision on the Prosecution's Urgent Request for Variation of Time-Limit to Disclose the Identity of Intermediary 143 or Alternatively to Stay Proceedings Pending Further Consultations with the VWU. 8 July 2010. ICC-01/04-01/06-2517-Red.

¹⁴ Judgment on the appeal of the Prosecutor against the decision of Trial Chamber I of 8 July 2010 entitled "Decision on the Prosecution's Urgent Request for Variation of Time-Limit to Disclose the Identity of Intermediary 143 or Alternatively to Stay Proceedings Pending Further Consultations with the VWU", 8 October 2010, ICC-01/04-01/06-2582.

¹⁵ Judgment (см. выше сноску 2). § 1358.

¹⁶ Доклад эксперта Роберто Гарретона (Roberto Garretón); (CHM-0002), EVD-CHM-00005. С. 15 (английский перевод — ICC-01/04-01/06-1655-Anx-tENG. С. 13); Доклад эксперта Жерара Прунье (Gérard Prunier); (P-0360), EVD-OTP-00403 at DRC-OTP-0203-0091; EVD-OTP-00623. § 12.

¹⁷ Judgment (см. выше сноску 2). § 567.

но в нарушении законов и обычаев международных вооружённых конфликтов.

Таким образом, определённая часть анализируемого нами решения посвящена вопросу, носил ли конфликт, в котором принимала участие вооружённая организация под руководством Лубанги, международный характер. Изучив факты столкновений боевых организаций «Союза конголезских патриотов» и «Фронта националистов и интеграционистов» (поддерживавших племя нилотов ленду), Суд пришёл к выводу, что конфликт в тот период времени в первую очередь являлся внутренним, немеждународным¹⁸. Однако в процессе разбирательства высказывались три различные точки зрения на характер конфликта. Сторона обвинения рассматривала весь конфликт как конфликт немеждународного характера¹⁹. Палата предварительного производства указывала на то, что международный конфликт на той территории трансформировался в немеждународный в тот момент (2 июня 2003 года), когда Итури покинули части вооружённых сил Уганды²⁰. В итоге же Судом было установлено, что конфликт носил *немеждународный характер* всё время с 2002 по 2003 год, так как была признана возможность ситуации, когда в одно и то же время на одной и той же территории ведутся два конфликта различного характера²¹.

Суд дал отрицательный ответ на вопрос, использовались ли силы «Союза конголезских патриотов» в качестве вооружённых сил ДРК в конфликте с Угандой и Руандой. Также было отмечено, что факт вторжения вооружённых сил Уганды в города Буниа не является основанием для иной квалификации характера конфликта. Вместе с тем, определённые свидетельства экспертов бросают тень на данную часть решения — существуют доказательства того, что на некотором этапе конфликта силы «Союза конголезских па-

триотов» поддерживались и финансировались Угандой и Руандой. В целом, сложно представить ситуацию, когда возможна полная изоляция двух вооружённых конфликтов друг от друга, с учётом того, что как минимум две силы из четырёх, принимающих в них участие, преследуют сходные цели — овладение провинцией Итури. Аналогичные сомнения в справедливости разграничения видов конфликтов высказывает и профессор К. Амбос²².

Определение понятий «вербовка» и «участие в военных действиях» лиц, не достигших возраста 15 лет. Суд в этой части, учитывая особое мнение судьи Одио Бенито, так и не пришёл к абсолютному единодушию по поводу того, что преступления в виде «набора», «вербовки» и «использования в военных действиях» являются отдельными преступлениями²³. Совершение любого из этих трёх действий является уже само по себе основанием для признания факта совершения военного преступления, предусмотренного статьёй 8(2)(e)(vii) Статута МУС.

Суд сделал вывод, что преступлением вербовки и набора признаётся факт присоединения лиц, не достигших возраста 15 лет, к вооружённым формированиям, независимо от того, имело ли место принуждение²⁴. Логично предположить, что такое преступление имеет *длящийся характер* и прекращается в тот момент, когда завербованное лицо достигает 15 лет, либо когда оно покидает вооружённые формирования.

Проблемным стал и вопрос о том, в какой степени несовершеннолетние, не достигшие 15 лет, могут быть завербованными (англ. *enlisted*) и вступать в ряды вооружённых групп по собственному согласию, и возможно ли в принципе подобное согласие?

Для Суда наличие в *actus reus* факта согласия несовершеннолетних не является основанием для различной трактовки двух

¹⁸ *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision on the Confirmation of Charges, ICC-01/04-01/06, P.-T. Ch. I. 29 January 2007 ('Confirmation Decision'), § 156-7.

¹⁹ *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Submission of the Document Containing the Charges Pursuant to Article 61(3)(a) and of the List of Evidence Pursuant to Rule 121(3), ICC-01/04-01/06, P.-T. Ch. I. 28 August 2006.

²⁰ *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision on the Confirmation of Charges, ICC-01/04-01/06, Палата предварительного производства I. 29 января 2007 года. § 205–226 ('International Conflict'); 227–237 ('Non-international conflict').

²¹ Judgment (см. выше сноску 2). § 540.

²² См.: *Ambos K. The First Judgment of the International Criminal Court (Prosecutor v. Lubanga): A Comprehensive Analysis of the Legal Issues // International Criminal Law Review*. 2012. Vol. 12. No. 2. P. 115–153.

²³ Judgment (см. выше сноску 2). § 618.

²⁴ Judgment (см. выше сноску 2). § 618; 759.

составов²⁵ (хотя они и выделяются, как отдельные), поскольку согласие признаётся невозможным в условиях вооружённого конфликта²⁶. Однако, так ли это в действительности? Разве нельзя представить ситуацию обдуманного, целенаправленного участия ребёнка в вооружённых действиях путём присоединения к различным формированиям (учитывая всю историю и сложившийся образ жизни конголезцев, когда мы ведём речь о признании права на согласие)? Суд ответил в итоге на этот вопрос отрицательно, и тогда нам представляется не совсем осмысленным включение термина «*enlisting*» в совокупность преступлений, инкриминируемых Т.Лубанге. Вместе с тем, сама по себе замена термина «*recruiting*» на фразу «*enlisting and conscripting*» говорит о том, что разработчики Статута МУС имели в виду также возможность разумного и целенаправленного вступления несовершеннолетних в вооружённые формирования.

В том, что касается определения понятия «участия в военных действиях», то здесь Суд признал, что оно имеет невероятно широкое содержание²⁷. К нему относится как нахождение малолетних на передовой линии, так и обслуживание комбатантов без непосредственного присутствия на фронте. Независимо от того, активным или пассивным является участие детей в вооружённом конфликте, наиболее существенным для определения, является ли какое-то действие или бездействие «участием в военных действиях», остаётся ответ на вопрос: может ли ребёнок стать целью для атаки противника²⁸?

Анализ субъективной стороны совершённых преступлений. При рассмотрении данного дела МУС столкнулся с ещё одним не простым моментом: имел ли местоговор обвиняемого с каким-либо ещё соучастником или же план, который, будучи претворённым в жизнь, при обычном ходе событий приведёт к совершению инкриминируемого

преступления. При этом обвиняемый должен был внести существенный вклад в разработку общего преступного плана, имея также намерение вербовать несовершеннолетних и использовать их в ходе вооружённых столкновений. Во всех этих случаях обвиняемый должен был дополнительно осознавать связь между своими действиями и наличием вооружённого конфликта.

Основанием индивидуальной уголовной ответственности является то, что у обвиняемого и его сподвижников было намерение создать армейские подразделения для установления политического и военного контроля над территорией Итури²⁹. Лубанга был руководителем «Союза конголезских патриотов» и главнокомандующим боевой организации этого «Союза». Для определения справедливости вышеизложенных тезисов Суд исследовал речи этого политического лидера, в которых Лубанга использовал в своих высказываниях обращение от первого лица, когда призывал несовершеннолетних, например, в военном лагере Руампара вступать в ряды его партии. Во всех его действиях имел место элемент «намерения и знания», который безусловно необходим для того, чтобы обвиняемое лицо попадало под действие статьи 30 Статута МУС. Вместе с тем, представляется важным, что требования к субъективному элементу в деле Лубанги были снижены: от обвиняемого не требовалось достоверного *знания о возрасте потерпевших*.

Ещё один непростой вопрос был связан с **определением круга потерпевших и порядка их участия в процессе** по данному делу.

Судебная палата признала жертвами данных преступлений не только юных боевиков, но также их родителей и родственников (и даже одно учебное заведение)³⁰, которым, по её мнению, были причинены несомненные психологические и моральные страдания³¹.

²⁵ Judgment (см. выше сноску 2). § 61 («the offences of conscripting and enlisting are committed at the moment a child under the age of 15 is enrolled into or joins an armed force or group, with or without compulsion»). Данная формулировка представляется особенно любопытной в свете того, что 10 июля 2012 года за преступления «conscripting» и «enlisting» были установлены разные наказания — 12 и 13 лет соответственно.

²⁶ Judgment (см. выше сноску 2). § 616.

²⁷ Judgment (см. выше сноску 2). § 621-8.

²⁸ Judgment (см. выше сноску 2). § 628.

²⁹ Judgment (см. выше сноску 2). § 1351.

³⁰ Judgment (см. выше сноску 2). § 14 ix).

³¹ *Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, редактированная версия «Решения по вопросу о «косвенных жертвах (indirect victims)», ICC-01/04-01/06-1813, T.Ch. I. 8 апреля 2009 года; § 52; Judgment on the Appeals of The Prosecutor and The Defense against Trial Chamber I's Decision on Victims' Participation of 18 January 2008, 11 July 2008, ICC-01/04-01/06-1432.

Несмотря на то, что признание этих лиц косвенными потерпевшими существенно расширило круг возможных участников дела, такая линия Суда выглядит вполне логичной. Дело в том, что военные преступления по самой своей сути отличаются от иных преступлений неопределённостью действительного круга потерпевших. Здесь слишком велика вероятность того, что военные действия затрагивают права, законные интересы и жизнь в целом огромного количества лиц.

В соответствии со статьёй 68(3) Статута МУС, в разбирательстве по *делу Лубанги* приняли участие 129 потерпевших. 28 потерпевших не достигли возраста 18 лет на момент вынесения Судом решения о допуске их к участию в разбирательстве. Все они были разделены Палатой на две группы, каждая из которых имела собственного законного представителя³². Любопытно, что 106 человек из этих 129 пожелали сохранить своё имя в тайне. Суд согласился с их пожеланием, однако их права на участие в разбирательстве были ограничены³³. Представляется, что в данной ситуации Судом был достигнут необходимый баланс между правами пострадавших и стороны обвинения в целом и правом стороны защиты не подвергаться обвинениям со стороны анонимов.

Потерпевшие имели доступ к тем конфиденциальным материалам дела, которые признавались сторонами затрагивающими их интересы³⁴. Проблема данного подхода лежит на поверхности: насколько стороны способны оценить, в какой степени документы касаются интересов потерпевших? Однако нельзя не признать, что у любого иного способа обеспечения доступа к информации также есть свои минусы.

Вопросы, которые вызвали разногласия судей. Несмотря на то, что приговор по *делу Лубанги* был вынесен единогласно, председательствующий судья Эдриан Фулфорд и судья Одио Бенито высказали свои особые мнения по ряду вопросов.

Так, особое мнение судьи Фулфорда содержит определённое несогласие с тем, что

критерии оценки субъективной стороны преступления, которые были выработаны Палатой предварительного производства, соответствуют статье 25(3)(а) Статута МУС.

В своём особом мнении судья Бенито выделила три момента, по которым посчитала нужным высказаться отдельно. Во-первых, она не согласилась с юридическим определением, которое было дано военным преступлениям Т.Лубанги. Ей представляется неверным выделять отдельно три состава, но понимать всё деяние как исполнение единого плана, нанёсшего огромный ущерб семьям юных боевиков. Во-вторых, судья затронула вопрос значимости некоторых видеоматериалов, которые использовались как доказательства, подтверждающие проведение кампаний по вербовке несовершеннолетних боевиков. В-третьих, она высказала своё несогласие с порядком признания двойного статуса («потерпевший-свидетель») за некоторыми участниками разбирательства. Судья отметила важный психологический аспект проблемы, связанной с допуском потерпевших к участию в процессе. В связи с тем, что оценивалось в первую очередь соответствие лиц, подавших заявления о признании их жертвами, положениям правила 85 Правил процедуры и доказывания МУС, то возможный отказ Суда в удовлетворении таких заявлений по причинам, которые могут и не доказывать недобросовестный характер заявителей, мог вызвать вторичные моральные страдания лиц, пострадавших от военных преступлений³⁵. Следовательно, более логичным выглядит порядок, когда за такими лицами сохраняется двойной статус жертвы и свидетеля одновременно.

Основные выводы Судебной палаты в решении от 10 июля 2012 года

Вид и размер наказания по *делу Лубанги* был определён в ходе «*sentencing hearing*», особой процедуры, которая состоялась 10 июля 2012 года. По её итогам Томас Лубанга был приговорён к 14 годам тюремного заключения³⁶, несмотря на то, что обви-

³² Judgment (см. выше сноски 2). § 20.

³³ Judgment (см. выше сноски 2). § 14 xi); 18.

³⁴ Judgment (см. выше сноски 2). § 14 vi).

³⁵ Separate Opinion of Judge Odio Benito, attached to the Judgment; § 22–35.

³⁶ Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, вынесено 10 июля 2012 года Судебной палатой I; № ICC-01/04-01/06-2901. § 99. При этом нужно отметить, что срок наказания за вербовку (*enlistment*) составляет 12 лет; за набор (*conscription*) составляет 13 лет, а за использование несовершеннолетних, не достигших 15 лет, в военных действиях — 14 лет (Decision on Sentence. § 98).

нение требовало, чтобы Суд приговорил его к 30 года лишения свободы³⁷. Из этого срока должно быть вычтено то время, которое Лубанга провёл под арестом с момента задержания его на основании ордера в 2006 году³⁸. До вынесения решения по данному вопросу Лубанга оставался под арестом в центре предварительного заключения в Гааге.

Судья Фулфорд отметил, что, несмотря на тяжкий характер совершённых преступлений, Лубанга вёл себя уважительно по отношению к Суду в течение всего процесса и способствовал рассмотрению дела³⁹. Вместе с тем, судья Одио Бенито отметила в своём особом мнении, что, по её мнению, данное наказание не является соразмерным тому уровню страданий, которые были причинены семьям несовершеннолетних конголезцев. Также судья из Коста-Рики не согласилась с тем, что за разные преступления было назначено различное наказание. По её мнению, и вербовка, и набор, и использование несовершеннолетних, независимо от степени согласия потерпевших, являются частью единого плана и должны караться тюремным заключением сроком 15 лет⁴⁰.

Любопытно, что, принимая решение о размере наказания, Суд анализировал опыт деятельности иных международных судов и трибуналов по делам, связанным с использованием несовершеннолетних в военных действиях⁴¹. Так, отдельное внимание Суд уделил решениям Специального Суда по Сьерра-Леоне⁴².

Заключение

Итак, самое важное, что удалось установить Международному уголовному суду в этом затянувшемся на годы судебном процессе, заключалось в следующем. Лубанга и его

соратники занимались вербовкой в вооружённые группировки и формирования несовершеннолетних лиц, не достигших возраста 15 лет, как на добровольной основе, так и с применением силы. «Союз конголезских патриотов» являлся вооружённым формированием и принимал участие во внутреннем вооружённом конфликте. Судом были приняты во внимание видеоматериалы, которые доказывали присутствие несовершеннолетних в тренировочных лагерях на северо-востоке ДРК. В этих военных лагерях несовершеннолетние подвергались тяжелейшим тренировкам и дисциплинарным наказаниям.

Несомненно, это решение носит исторический характер, являясь первым формальным итогом десятилетней деятельности МУС. Представляется, что одним из главных выводов, которые можно сделать на его основании, является то, что судьи МУС продемонстрировали ту активную роль в процессе, которой их наделяет Римский статут. Судейские составы активно управляли всем ходом процесса, были готовы идти на конфронтацию с его участниками (вспомним те два случая приостановки разбирательства, что имели место в 2008 и 2010 году). Вместе с тем, отрицательные моменты такой линии поведения тоже можно выявить. Судебная палата изменила трактовки Палаты предварительного производства, не согласившись также в определённой мере со стороной обвинения по вопросу о характере вооружённого конфликта. Интересно также отметить, что Суд выразил свою точку зрения и, фактически, дал оценку тому, как действовал и как должен был бы действовать Прокурор МУС. В частности, судьи отрицательно отнеслись к тому, что для проведения расследования Прокурор передал часть своих полномочий по ведению дела посредникам в ДРК.

³⁷ Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, вынесено 10 июля 2012 года Судебной палатой I. № ICC-01/04-01/06-2901. § 95.

³⁸ Статут МУС, статья 78(2); Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, вынесено 10 июля 2012 года Судебной палатой I. № ICC-01/04-01/06-2901. § 24.

³⁹ Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, вынесено 10 июля 2012 года Судебной палатой I. № ICC-01/04-01/06-2901. § 90.

⁴⁰ Dissenting Opinion of Judge Odio Benito, приложенное к Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, вынесено 10 июля 2012 года Судебной палатой I. № ICC-01/04-01/06-2901. § 26–27.

⁴¹ Decision on Sentence pursuant to Article 76 of the Statute, вынесено 10 июля 2012 года Судебной палатой I. № ICC-01/04-01/06-2901. § 12.

⁴² SCSL, *Prosecutor v. Fofana and Kondewa*, Case No. SCSL-04-14-T, Trial Chamber, Judgment, 2 August 2007; *Prosecutor v. Taylor*, Case No. SCSL-03-01-T, Trial Chamber, Judgment, 18 May 2012; *Prosecutor v. Sesay, Kallon and Gbao*, Case No. SCSL-04-15-T, Trial Chamber, Judgment, 25 February 2009; *Prosecutor v. Brima, Kamara and Kanu*, Case No. SCSL-04-16-T, Trial Chamber, Judgment, 20 June 2007.

Стоит затронуть и формальную сторону анализируемого решения, которая была упомянута в самом начале данного комментария. Чрезмерный объём документа, обилие цитат, сносок и ссылок представляют собой «палку о двух концах». Несомненно, скрупулезное изучение и обоснование каждого факта — это необходимое свойство каждого судебного решения, однако та форма, которую принимают данные моменты в подобных решениях, приводит к практически абсолютной недоступности их для адекватного восприятия и корректного понимания большинства лиц, не имеющих прямого отношения к юриспруденции.

Можно предположить, что более детальный и глубокий анализ этого дела возможен

несколько позже — «большое видится на расстоянии» и, вероятно, важные аспекты лучше будут заметны в контексте, который пока ещё не создан Судом. Однако нельзя не заметить те вопросы, которые были поставлены Судом в этом первом решении. Многое в деятельности МУС будет зависеть от той правовой политики и практики, которая будет вырабатываться им. В чём состоит основная задача Суда — определить, виновен или не виновен конкретный подсудимый, или же в том, чтобы способствовать становлению справедливого миропорядка в целом? Отсутствие единогласия среди судей по многим непростым вопросам говорит нам о том, что и по указанному выше вопросу ясной позиции у Суда пока нет.